

Юрий Прейгер

Маркер

Юрий Прейгер Маркер

<https://litres.ru/73994639>

SelfPub; 2026

Аннотация

В книге представлены истории врачей онкологического центра. В произведении нашли отражения трудовые будни, истории жизни, зарисовки характера.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Юрий Прейгер

Маркер

Глава 1

Андрей Кронин вышел из подъезда, на ходу застегивая теплую куртку и кутаясь в шерстяной шарф. Шел снег и он, с сожалением осознал, что десять минут будут потрачены на расчистку автомобиля от снежных хлопьев. Андрей накинул на голову капюшон и быстрым шагом направился к машине. Через мгновение он уже счищал снег и, справившись с данной задачей, с удовольствием сел в прогретый автомобиль.

Порой Кронин осознавал, что путь от дома до работы на машине занимает больше времени, нежели на общественном транспорте, однако он упорно продолжал использовать автомобиль как средство передвижения. Большую часть рабочего времени Андрей проводил на ногах, поэтому при передвижениях на работу и обратно он предпочитал хоть минимальный, но комфорт быстроте. При этом специфика работы не позволяла забывать о ценности времени.

Андрей Кронин работал в онкологическом центре. Каждый день он сталкивался с людьми, находящимися между жизнью и смертью, встречался с победами и поражениями. Андрей старался подолгу не заострять свое внимание на по-

следних. Иногда это удавалось. В любом случае он выработал четкое правило – включаться в работу только на рабочем месте, путь на работу и обратно должен быть посвящен чему угодно – концентрации на дороге, прослушиванию музыки или новостей, но только не мыслям о работе. Отчасти поэтому Андрей избегал общественный транспорт – слишком много работы с людьми и их проблемами. В этой связи автомобиль становился его личным убежищем.

Осознание того, где он работает, наступало мгновенно, стоило переступить порог клиники. Пациенты начинали занимать очередь задолго до начала рабочего дня, в связи с чем с потенциальными больными Андрей встречался еще до того, как здоровался с коллегами. Это была достаточно разношерстная публика. Молодые люди, с опаской смотрящие на людей в белых халатах, словно на судей, вершащих их судьбы. Их родители или спутники, держащие их за руки или поглаживающие по спине. Порой Андрей сомневался, кого он больше жалеет – первых или последних. Здесь можно было встретить мужчин и женщин, с нетерпением смотрящих на часы – они еще не осознавали, что вполне возможно ценность времени для них изменится. Старики в основном относились к самым флегматичным пациентам. Опять же причина была та же – время. Относительно жизни длительностью в 70-80 лет ценность года была не столь велика. Здесь были как столичные жители, приходившие налегке, так и жители отдаленных поселков и городов с чемоданами и рюкзаками,

деньги на поездку и лечение которых собирали все возможные родственники, а порой и соседи.

Кронин вызвал лифт. Боковым зрением он увидел слева от себя высокую женскую фигуру, движущуюся быстрым шагом в его сторону. Это была заведующая отделением Панова Елена Сергеевна. Ее возраст был для многих загадкой. Она неоднократно говорила, что уже давно заработала себе пенсию, при этом ничто в ней: ни фигура, ни лицо, ни походка, ни рассуждения – не позволяли назвать ее старой. Она носила гладкую прическу, что как-то по особенному подчеркивало ее тонкие черты лица. Ее волосы пшеничного цвета были слегка тронуты сединой, что с одной стороны напоминало о возрасте, а с другой – придавало ее образу благородства. У нее были большие глаза бледно-серого цвета. Скорее всего это была единственная достаточно блеклая черта ее лица. Но и здесь Елена Сергеевна будто бы играла с природой – легкие тени и аккуратно подведенный контур глаз делало эту часть лица более выразительной. Кончик ее носа был слегка загнут вниз, ее узкие и плотно прижатые губы выдавали в ней женщину жесткую и решительную. Панова одевалась стильно, при этом не переходя грань между современностью и молодостью. Она была жестким руководителем, сторонником железной дисциплины. Сама себя считала больше управленцем, нежели врачом, при этом ни разу не дала повода усомниться в ее профессионализме. Не любила длительных разговоров, считала, что женщинам лучше уда-

ется работать в онкологии, так как современные мужчины слишком восприимчивы, в связи с чем представителей слабого пола в отделении работало не меньше, чем сильного. При этом была не прочь пококетничать с мужчинами и в то же время счастливой женой, матерью и бабушкой.

- Здравствуйте, Елена Сергеевна, - произнес Андрей.

- Привет, - Панова ответила легким кивком головы, - все ждешь лифта? А пешком уже б давно был в кабинете.

- Да как-то в зимней одежде тяжело по лестнице.

- Эх, молодежь! Мне это не мешает и это в мои-то годы. А ведь у меня шубка потяжелее будет, да и сама я никак тебя не легче.

- Если вы меня и тяжелее, то только за счет мозгов.

- Ох, польстил старушке! – Она улыбнулась, продемонстрировав идеально ровные белоснежные зубы.

- Пойду по лестнице только ради вашей компании.

- Смотри не запыхайся, Андрюшенька.

Наверху их ждала темноволосая девушка. Она была невысокой, своим стилем немного напоминала Панову: та же гладкая прическа, копна густых волос, статная. В отличие от Пановой она практически не пользовалась макияжем – возможно, потому что была брюнеткой, со смуглой кожей, что изначально делало ее более яркой. У нее были большие карие глаза миндалевидной формы, аккуратно очерченные губы. Она курила, слегка запрокинув голову назад, что позволяло рассмотреть плавные линии шеи. Девушка облокоти-

лась на перила, и Андрей в очередной раз оценил ее высокую грудь.

- С утра и уже с сигаретой, Арина? - обратилась к ней ПANOVA.

- Никак не брошу, Елена Сергеевна.

- А ты хоть пробовала?

- Еще бы, - девушка затянулась, как бы подтверждая, что избавиться от вредной привычки не в ее силах.

- Смотри – а то вот мы с Андриюшенькой пешком ходим.

- Только что-то Андриюшенька больше вас запыхался.

- Я только встал на путь здорового образа жизни, - парировал Кронин, подойдя к девушке.

Она слегка наклонилась к его уху и прошептала, сделав акцент на последнем слове:

- До встречи на рабочем месте, Андриюшенька!

Арина Тучина была ровесницей Кронина, но в отделении работала дольше прочих врачей, в связи с чем пыталась взять шефство над недавно пришедшим в клинику Андреем. На тот момент он, блестящий выпускник престижного медицинского вуза, проработавший определенное – как ему тогда казалось немалое – время в районной онкологической больнице, воспринимал идею наставничества девушки, окончившей региональный медицинский вуз, которая к тому же была ровесницей, в штывки. По прошествии времени Андрей осознал, что у Арины было чему поучиться. В первую очередь не профессиональным качествам, а скорее отношению

к жизни, адекватному той работе, которую они выбрали. Работая в онкологии, Арина видела смерть, идущую бок-о-бок с жизнью. Спасти всех невозможно. Похоронив себя рядом с ушедшими, никому лучше не сделаешь. Ее работа - такое же ремесло, как у других. Как у инженера или рабочего, военного или служащего. Ровно как и они, Арина должна отработать смену и, выйдя с работы, оставить все дела до следующего рабочего дня.

Так она говорила Андрею, наблюдая за тем, как он стоит у окна. Молча. Не было слышно ни звука. Иногда казалось, что он не дышит, специально задерживает дыхание до того времени, как санитары увезут на каталке в холодное подвальное помещение безжизненное тело, накрытое простыней. И лишь после этого Андрей жадно вдыхал спертый воздух. В такой момент его глаза наливались кровью, на висках вздувалась вена. Арина уходила в ординаторскую. Едва слышно, чтобы на время оставить Андрея в том оцепенении, которое он выбрал для себя в качестве защиты. Тучина дожидалась коллегу и, оставшись с ним наедине, холодным металлическим тоном произносила те самые слова. О работе онколога и том, как не сойти с ума на этом поприще.

- Поверь, дружок, моя психология – единственно возможная здесь. Либо ты ее принимаешь, либо уходишь из онкологии, - такими словами зачастую завершала она свою речь, мысленно ругая Андрея и в его лице весь мужской пол в слабых характеристиках.

Кронин был способным учеником – вскоре он усвоил правила выживания от доктора Тучиной и надобность в беседах с ней после очередного смертельного случая отпала.

Проводив Панову до кабинета, Андрей быстрым шагом направился в ординаторскую. Он едва успел переодеться, как в кабинет вошла Арина.

- Ты экстрасенс или у нас здесь камеры, - спросил Кронин.

- О чем это ты? – с удивлением спросила Тучина.

- Ты вошла аккуратно после того, как я переоделся.

- Боялся, что я застаю тебя без штанов? Или рассчитывал на это?

- Неужели тебя можно удивить?

Последняя фраза явно не была оценена Ариной по достоинству – она перевела тон беседы из игриво-кокетливого в деловой, добавив голосу ледяные ноты.

- Надеюсь, на этом утренний обмен любезностями закончен и мы можем перейти к делу. Через десять минут летучка.

- Ты видишь в этом что-то необычное?

- Ох, остряк, доиграешься у меня, - она слегка улыбнулась, продемонстрировав ямочки в уголках губ. – Необычность в том, что нам должны представить новую коллегу.

- Коллегу?

- Не обольщайся, Кронин – она замужем.

- И все же никак не пойму, чем ты меня пытаешься удивить?

Арина экспрессивно взмахнула руками, на лице от волне-

ния проступил румянец.

- Ты вроде иногда кажешься зрелым и дерзким, а иногда – самым настоящим ребенком. Месяц назад мы с тобой подходили к Пановой и просили взять еще одного человека. Что она тогда нам ответила? Увеличение штата не предусмотрено – справляйтесь сами! Что же в таком случае теперь поменялось?

- Увеличили штат? – сухо ответил Андрей, скрестив руки на груди.

- Твое обаяние, конечно же, действует на Панову, но не до такой степени, чтоб она по первому требованию взяла и выбила штатку. Тут дело в другом. – Тучина подошла к окну и, присев на подоконник, стала всматриваться в даль. – Сдается мне у новой дамы рука волосатая.

- Ну мы же сами хотели нового сотрудника. Какая разница, каким образом все получилось?

Арина быстро соскочила с подоконника, опершись на него руками, и, приблизившись вплотную к Андрею, произнесла:

- А вот такая разница – сегодня она нам в помощь, а завтра волосатая рука поставит ее на мое или твое место.

- Твои предложения?

- Ох, мужики, вечно вы пытаетесь переложить ответственность на наши хрупкие плечи!

- Я никак не пойму, ты специально завела этот разговор, чтоб пар выпустить? В таком случае найди другие свободные уши! – произнес Андрей возмущенно и с насмешкой доба-

вил. – Может, новая коллега для этого подойдет. Может, для этого ее и берут?

Закончив, он резко повернулся, не дав Арине ответить, и вышел из ординаторской. А Тучина так и осталась стоять посреди кабинета, растерянно скрестив руки на груди. Ее оцепенение длилось не более минуты, после чего она вышла из кабинета и быстрым шагом направилась к кабинету Пановой. Елена Сергеевна была там одна. Она уже успела накинуть халат поверх платья и стояла у зеркала, поправляя волосы, в пол-оборота к Тучиной.

- Утренний ритуал? – спросила Арина.

- Что поделать: набрала молодых и красивых врачей – приходится соответствовать.

- Вы недалеко от нас ушли.

Панова повернула голову в сторону девушки и, нахмутив брови, сурово произнесла:

- Ты, дорогая, льсти-льсти, да не завирайся.

- Елена Сергеевна

- Арина, чего ты боишься?

- Вы о чем?

- Думаешь, я не знаю? Ты ведь ждешь не дождешься, чтобы занять мое место.

- Елена Сергеевна

- Хватит! – резко оборвала Панова подчиненную. – Сказками этими о своем альтруизме Андрея будешь по утрам кормить, если он еще не наелся. Опасаешься, что ваша но-

вая коллега займет твоё место? Небось, рисуешь картины о взрослом, большом и солидном чиновнике в очках из золотистой оправы, сидящем в просторном кабинете на кожаном кресле, который, конечно же, не нашел ничего лучшего, как пристроить свое протеже в онкологию. У нас же здесь тепленькое местечко!

Закончив свою речь, она резким движением опустила руки на письменный стол. Так Панова и стояла, опершись о него и сжав губы, смотрела на Арину. Тучина отвела взгляд в растерянности. Она неоднократно имела возможность оценить по достоинству проницательность своей начальницы, связывая это с обычной женской интуицией, однако в этот раз Панова превзошла себя и, казалось, сама была удивлена своим способностям.

- Ну а о чем же еще могут говорить в ординаторской два моих лучших доктора? – продолжала Елена Сергеевна тоном заговорщика. – Про влечение вы уже все выяснили – если в том, что у него есть яйца, я не сомневаюсь, то ты, дорогуша, судя по всему, либо оставляешь секс далеко за порогом больницы, либо не расцениваешь Андрюшу в качестве объекта влечения. И в первом и втором я могу попробовать тебя переубедить.

- Вы правы в обоих случаях, - сухо ответила Арина.

- Ну так чего ж ты так? Ординаторские несут в себе столько сексуального магнетизма. Ну а Андрюша

- Вашему Андрюше для начала надо вырасти!

- Видишь, значит про секс вы проговорили. Что ж еще вы можете обсуждать в ординаторской? Обмениваетесь опытом? Опять нет, дорогуша, вы ведь слишком горды для этого. Ты в его глазах ремесленница, а он в твоих – ювелир-белоручка. Что еще остается? Обсуждать старуху Панову и ее стиль руководства. Ну и, если конечно же предоставляется возможность, кадровые назначения. Раньше они были далеки от вас, но здесь коснулись. По крайней мере, ты так думаешь. – Панова замолчала на короткий промежуток времени, чтобы дать возможность Тучиной все переосмыслить, затем продолжила, медленно и четко проговаривая каждое слово: - Знаю, тебе кажется, что я позволила лишнего. Также, думаю, задаешься вопросом: к чему это она ведет? Я тебе расскажу к чему: не лезь в мои дела, и я не буду лезть ваши. И мне плевать, называете меня старухой или нет. Я все-таки бабушка. А теперь иди и поторопи Андрея. Где он там ходит?

Арина направилась к выходу, но в это время услышала голос Елены Сергеевны:

- Она девочка из Нижнего Новгорода. Переехали совсем недавно. Муж работает в министерстве. Курирует наше учреждение. Вот, рентген-кабинет нам обновил. Просил жену устроить. Я ему, конечно же, расписала в красках чем ей придется заниматься. Посоветовала поискать для своей супруги более спокойную работу. Но, видимо, вариантов у него немного, точнее вовсе отсутствуют. Видела я эту девочку. – В голосе Пановой была слышна усмешка. – Собственно

говоря, они с мужем стоят друг друга – оба такие мягкие и деликатные. Так что долго она не протянет.

В комнату постучали.

- Можно? – спросил Андрей.

- Опаздываешь, дружок, - сказала Арина.

«Надо же, - сказала про себя Елена Сергеевна, - так хочет на мое место, что уже стала копировать мои манеры». Панова улыбнулась, вспомнив свою молодость, безудержную энергию и юношеские амбиции.

- Присаживайся, - сказала Панова, указав на стул возле Арины.

Она наблюдала за Андреем – все в нем выдавало те чувства, что он хотел скрыть. Считая летучки лишь тратой времени, Кронин желал как можно быстрее освободиться. Ему казалось, что его поведение: быстрые и резкие движения, торопливая речь – способствуют скорейшему завершению совещания. Каждый раз, когда Андрей вел себя подобным образом, Панова старалась в противовес ему потянуть время. Кронин считал это игрой, Елена Сергеевна же просто хотела лишний раз обозначить свою власть и подчеркнуть, что она не идет и не будет идти на поводу у подчиненных.

В этот раз Андрей был предельно сдержан, однако неестественность поведения скользила во всем – он как будто контролировал каждое свое движение. Панова знала – Арина была виной его поведения. Тучина обладала способностью безошибочно находить слабые места людей и затем в случае

необходимости наносить по ним удары. А слабым местом Кронина были намеки на его незрелость. Пановой это казалось особенно забавным, так как именно в эти минуты он, взрослый мужчина и состоявшийся доктор, напоминал ребенка.

Если недовольство Андрея прослеживалось только в его преднамеренно сдержанных движениях, то Тучина негатив от утреннего разговора скрывала с трудом. При виде Кронина на ее смуглом лице появились красноватые пятна, она намеренно смотрела в противоположную сторону. Его рука спокойно покоилась на столе рядом с рукой Тучиной. Едва почувствовав прикосновение, Арина резко ее одернула.

Через минуту кабинет заполнили остальные врачи, рассевшиеся вдоль длинного стола.

- Мы еще кого-то ждем? – прервал молчание Кронин.

Панова лишь посмотрела ему в глаза, ехидно улыбаясь. В это время в кабинет вошла девушка. Она уже переделалась и была единственной в кабинете, чьи волосы, собранные в пучок, покрывала медицинская шапочка. Белый цвет халата, казалось, сливался с ее кожей и делал ее, и без того стройной, еще более худой. Девушка могла показаться растерянной и беззащитной, если бы не ее серо-голубые глаза, не мигая смотревшие строго на Панову.

- Вижу, ты во всеоружии, - сказала Елена Сергеевна. – Знакомьтесь, Яна Морозова. – Она по очереди представила всех членов коллектива. Андрей был назван последним. –

Это доктор Андрей Кронин. Он тебя введет в курс дела. А теперь все свободны.

Врачи не стали задерживаться и вскоре кабинет был практически пуст.

- Арина, задержись, - попросила Панова.

- Да, Елена Сергеевна.

- Надеюсь, ты поняла, почему я прикрепила новенькую к Андрею?

- Неужели по гендерному признаку?

- Хоть вы с Крониным и грызетесь, но друг от друга все больше набираетесь. Нет чтоб чему-то хорошему - а то ты научилась его ехидству. От тебя новенькая сразу сбежит, а тут хоть соблюдем политес.

Глава 2

Андрей провел Яну по основным кабинетам, представив ее сотрудникам смежных отделений. В завершение он подвел новую коллегу к дверям ординаторской. Кронин поступался.

- Да, Андрей, - услышал он голос Арины.

Кронин помнил об утреннем разговоре, который несомненно оставил неприятный отпечаток. При этом была пятница и короткий день и ему совсем не хотелось продолжать заданный с утра тон, поэтому он заходил в кабинет с желанием свести конфликт на нет.

- Видишь сквозь стены? – дружелюбно спросил Андрей.

- Кто кроме тебя может среди бела дня стучать в дверь, зная, что все переодеваются только утром и вечером.

Создавалось впечатление, что Арина также не была настроена продолжать утреннюю перепалку. Она мягко улыбнулась, и Андрей заметил, как вместе с ее эмоциями изменяется мимика. Требовательные немигающие карие глаза, от злобы казавшиеся почти черными, пунцовые пятна на смуглом лице во время летучки и сейчас – губы, вздернутые улыбкой, спокойное выражение лица обезоруживали и располагали к себе. Только лишь хорошо знавший ее Андрей безошибочно увидел хитрый блеск во взгляде.

- Яна, здесь наша берлога, как мы ее часто называем, -

сказал Кронин.

- А все потому, что большую часть жизни проводим в этом кабинете, - продолжила Арина. – Вот поэтому мы женимся либо очень рано либо на коллегах.

- У меня скорее первый вариант, - также дружелюбно ответила Яна.

Она предполагала, что о ее семейном положении если и не известно, то обручальное кольцо говорило красноречивее любой другой информации. Только женщины обладают способностью перехватывать и понимать взгляд мужчин, оценивающих их, даже если они рассматривают женщину со спины. Вот и Яна прекрасно осознала, почему Андрей всегда пропускает ее на шаг вперед. Своей фразой Яна таким образом хотела лишней раз выстроить стену между собой – замужней женщиной - и молодым человеком, который при всем своем обаянии никак не может рассчитывать на ее расположение.

- Ты уже предупредила своего мужа, что его ждут одинокие вечера за чашкой чая? – спросила Арина.

- Все так серьезно?

- А ты как думала? В сказку попала? – Несмотря на ехидное замечание, Арина продолжала улыбаться.

- Думаю, с предварительным ликбезом пора заканчивать, - вмешался Андрей, - нас ждут больные.

- Да, пора, - согласилась Тучина.

Кронин приоткрыл им дверь и, пропустив вперед, полу-

чил возможность в очередной раз оценить новую сотрудницу. Яна несколько уступала Арине. Причем в целом различие было незначительным, но именно мелочи давали Тучиной преимущество. Яна была на голову выше, стройна. С одной стороны, могло показаться, что Арина выделяется более округлыми формами. Но дело было скорее в другом: несмотря на бесформенный халат и плоские подошвы сменной обуви, она умело подчеркивала преимущества своей фигуры. Возможно, благодаря легкой грациозной походке или другим женским хитростям, окружающие мужчины видели и чувствовали, что под медицинской униформой скрывается не бесформенное создание, а женщина с узкой талией и округлыми бедрами.

Высокая Яна передвигалась по коридоры мелкими, но быстрыми шагами, как будто догоняя невысокую Арину, уверенно скользящую по паркету, при этом продолжала оставаться немного позади. В ее резких неловких движениях было больше подросткового нежели женственного.

- Всем доброе утро! – бодро сказал Андрей, войдя в палату.

- Если оно доброе, - еле слышно проговорил лежащий у окна мужчина лет 50. Крепкое телосложение говорило о спортивном прошлом, а сейчас в тучной фигуре просматривался уставший, измученный болезнью человек.

- По крайней мере добрее чем месяц назад, - вмешалась Арина.

Мужчина сморщился, глядя на нее, открыл рот для гневной реплики, но в итоге сухо произнес:

- Да уж.

- Вернемся к нашим баранам, - прервал их Андрей. – Анализы неплохие. К концу недели будем готовить к выписке. Еще пару недель отлежитесь дома и снова в бой.

- Из меня теперь боец что надо.

- Игорь Леонидович, - вновь обратилась к больному Арина, - неужели вам кажется, что без операции было б лучше?

- Арина Борисовна, интересную вы мне альтернативу предложили: немедленная или отложенная смерть.

- По крайней мере вы не можете меня обвинить в том, что я не дала вам выбор.

- Арина, - шепнул Тучиной Андрей, - с такими темпами мы обход не закончил до обеда. Переходи к следующему, а я займусь им.

- Ну вот мы и одни. Теперь есть время для мужского разговора, - сказал Кронин, когда его коллеги перешли к другим пациентам.

Игорь Леонидович Майков поступил в больницу с раком кишечника, который в результате был удален. Однако вместе с надеждой он получил инвалидность, невозможность справлять нужду естественным способом и контейнер для фекалий, подвешенный у пояса. Скупая на сантименты Арина называла это побочным эффектом, присущим столь сложной операции.

- Вы ведь занимаете руководящую позицию? – спросил Андрей.

- Какое это имеет значение?

- Такое, что, в отличие от меня, не привязаны к жесткому графику. Так?

- До того, как попал сюда, я был владельцем строительной компании. Надеюсь, без меня ее на растащили по частям.

- Вот смотрю я на вас, Игорь Леонидович, и, ощущая на себе ваш властный взгляд, сразу становится не по себе. А когда вы меня одариваете крепким рукопожатием, то сразу не завидую тому, кто перейдет вам дорогу. Думаю, оставшиеся вместо вас на хозяйстве тоже все прекрасно понимают.

- Никак не пойму, к чему ты ведешь?

- К тому, что с Вашими возможностями вы вполне в состоянии свести дискомфорт от своего состояния к минимуму. Контейнер сможете запросто спрятать под одежду. Разве что придется носить брюки попросторнее. Его надо опорожнять примерно раз в два часа. Для вас это не будет проблемой, особенно, если организуете на работе душевую кабину.

Больной слегка улыбнулся:

- Ты вслед за своей коллегой предлагаешь мне опции?

- Находясь рядом с ней, мне кажется, что мы с разных планет. Но после общения с отцом Георгием, согласитесь, что на его фоне мы можем показаться вполне похожими?

- Да уж, вчера имел неосторожность зацепиться с ним языками.

- Будьте осторожны, он языком орудует, лучше, чем некоторые из нас скальпелем.

- Это его основной рабочий инструмент. Сначала предложил мне причаститься. Я попытался от него отделаться, сказав, что я атеист. Это была моя роковая ошибка, потому что он прочел лекцию на полчаса об отличие атеиста, имеющего доказательства, от неверующего.

- Здесь я скорее агностик, ожидающий, что ему кто-то когда-нибудь все докажет. Поэтому ни обнадеживать вас вечной жизнью, ни призывать к покаянию не буду. За время работы я столкнулся с разными случаями. Бывало, люди с вашим диагнозом вылечивались и навсегда исчезали из моей жизни. А порою возвращались через полгода с метастазами. Я не берусь предсказать, что будет в вашем случае, хотя опыт мой скорее говорит в пользу того, что я вас, если и увижу, то на вручении ключей от квартиры в вашей новостройке. С вашим капиталом вы, возможно, сможете до конца жизни не работать. И, будь на вашем месте другой человек, я б ему посоветовал посвятить остаток жизни себе. Но вас такой образ жизни быстрее сведет в могилу, чем рак. Поэтому дело ваше, но я вам советую прожить жизнь в привычном ритме, сколько бы вам ни осталось.

Пациент открыл рот, пытаясь сказать что-то, но Андрей остановил его жестом руки.

- Не торопитесь со мной спорить, потому что я, в отличие от отца Георгия, не пытаюсь прочитать вам мораль. Выбор за

вами. Подумайте. А теперь, прошу меня извинить, но пора к другим пациентам.

В это время Арина и Яна ожидали своего коллегу у дверей палаты. Кронин пропустил их вперед.

- Спасибо, что избавил меня от этих разговоров, - сказала в коридоре Тучина.

- Брось, в данном случае мы преследуем одну и ту же цель – пораньше уйти домой.

- Да уж, меня на сантименты не пробьешь, - обратилась Тучина к Морозовой, - а Андрей нет-нет да и сорвется на приватный разговор. Это он с виду сухой.

- Разве это не часть нашей работы? – ответила Яна.

- Залечивать душевные раны? Нет, это к психологу или, на худой конец, к отцу Георгию.

- Отцу..? – переспросила Морозова

- Что-то вроде штатного священника. Исповедь, причащение, соборование, отпевание. Стандартный набор в таком месте.

Яна слегка скривилась, однако вовремя взяла себя в руки и изобразила легкое подобие улыбки – что-то среднее между насмешкой и протокольной улыбкой, когда люди растягивают губы без эмоций. Она тут же повернулась в сторону Арины и с облегчением заметила, что последняя смотрела в противоположную сторону и вряд ли успела заметить ее гримасу.

В дальнейшем обход происходил в обычном режиме – су-

хая констатация факта, оглашение результатов анализов и дальнейшего плана лечения. Яна украдкой наблюдала за своими коллегами. Оба старались говорить сухо. Создавалось впечатление, что затянувшийся разговор с первым больным был для Андрея скорее исключением из правил. Разница между ним и Ариной была слегка заметна в его движениях и манерах: рукопожатия с мужчинами, легкое прикосновение к женщинам в случае, если они не смотрели на него, привычка проверять температуру, притрагиваясь ко лбу, несмотря на утренний контроль при помощи градусника. Он одновременно выстраивал стену и в то же время показывал дверь, которая может быть открыта По его желанию.

- Ну что, - сказал Андрей по завершению обхода, - вопросы есть?

- Нет.

- Совсем нет? – продолжал он, игриво нахмутив брови.

- Вы на что-то намекаете? – не сдержав улыбку, ответила Яна.

- Для начала пытаюсь намекнуть на то, что мы здесь ровесники и можем обращаться на «ты». А вообще хотел уточнить, не интересуется ли тебя место проведения обеденного перерыва?

- Да, если честно, не отказалась бы от того, чтобы перекусить. Слегка перенервничала – первый рабочий день все же.

- Из-за больных или коллег? – улыбнувшись, спросила Тучина.

- Скорее от новой обстановки, - растерявшись, ответила Яна.

- В таком случае выбирай, - снова вмешался Кронин, - Арина предпочитает поглощать домашние заготовки в кабинете, а я вполне доверяю нашей столовой.

- Или просто не можешь отделаться от своей мужской лени, - сказала Тучина.

- Не без этого.

- Сегодня, наверное, пообедаю в столовой. А в дальнейшем составлю вам компанию, если вы, конечно же, не против.

- Вообще нет, - ответила Арина, отметив про себя обращение к ней на «вы» и оставив это без внимания.

Столовая находилась в соседнем корпусе, попасть в который, не выходя на улицу, было возможно пройдя по длинному переходу. Они шли рядом, ведя разговоры на отвлеченные темы, не связанные с работой. Обеденный перерыв был еще одним часом личного времени, отвоеванным у войны со смертью, во время которого он старался избегать разговоров на профессиональные темы.

Постепенно лед между ними таял, Яна становилась все более раскованной и открытой, оценивая по достоинству воспитание и манеры собеседника. В основном говорил он, девушка сначала только лишь слушала его. Периодически Яна слегка улыбалась. Ее занимала речь Андрея, она пыталась понять, что им движет – намерение понравиться женщине,

расположить к себе коллегу или же искреннее желание помочь освоиться новому члену коллектива. Все это могло вызвать улыбку по разным причинам. Расточать мужское обаяние и тратить время на замужнюю женщину, особенно в свете ее брака с чиновником, курирующим клинику, казалось Яне бесполезным и оттого забавным. При этом она понимала, что Андрей далеко не глуп и сам все прекрасно понимает, что в свою очередь еще больше удивляло и одновременно веселило ее. Возможное стремление расположить к себе коллегу вызывало у нее удивление в связи с непониманием мотивов поступка. С другой стороны, возможной причиной такого поведения вполне мог быть муж Яны. Когда она об этом подумала, то почувствовала некоторое разочарование и даже отвращение к Андрею. В то же время его последний возможный мотив – способствовать побыстрее влиться в коллектив – несомненно, вызывало у девушки уважение и признательность. Яна всячески отгоняла от себя корыстные мотивы поведения Кронина, потому что ей определенно нравилось с ним общаться и, более того, пока что он был единственным человеком в клинике, готовы тратить на нее время вне зависимости от мотивов.

Был самый разгар обеденного перерыва, поэтому в столовой была очередь. Стоя у прилавка с подносом, Яна могла наблюдать за Андреем со стороны. Добродушный и улыбчивый, приветливый и приятный в общении, он явно располагал к себе коллег. Одновременно этот человек в меньшей

степени напоминал сдержанного доктора, который некоторое время назад совершал обход. Коллеги к нему тянулись, а он отвечал им вниманием – Андрей будто бы знал основные моменты жизни каждого врача, демонстрировал осведомленность при каждом рукопожатии, задавая вопросы о семье, увлечениях и других вещах, которые абсолютно не были связаны с работой. Кронин был душой компании и при этом не позволял новой стороннице оставаться в стороне, представляя ее каждому здоровавшемуся с ним.

В итоге они сели за стол и принялись за обед. В это время Яна заметила высокого седоволосого мужчину в рясе, стоявшего у кассы. Девушка улыбнулась.

- Что случилось? – поинтересовался Андрей.

- Кажется, я только что увидела твоего коллегу, с которым вы успели меня заочно познакомить.

- Отец Георгий, - небрежно сказал Кронин, повернувшись и разглядев священника, - ну, он не совсем коллега, а скорее, - он ненадолго задумался, - сотрудник смежной отрасли, скажем так. – Завершив фразу, Андрей улыбнулся, довольный придуманным оборотом.

- Похоже, он направляется к нам. Вы всегда обедаете вместе.

- Частенько.

- Частенько?

- Ну в периоды постов он обычно обедает в одиночестве или предпочитает общество говеющих.

Последняя фраза одновременно позабавила и озадачила Яну: его обороты речи скорее подходили для машинописного текста, а не для обеденной болтовни. «Возможно, - подумала девушка, - таким образом он наверстываете молчание, которое приходится хранить в операционных?».

- Приятного аппетита, - сказал священник, - у вас свободно?

- Да, - ответил Кронин, жестом приглашая отца Георгия за стол.

У священника был хорошо поставленный голос, при этом его речи не была присуща мягкость и певучесть, характерная для людей, читающих проповеди. Сам он был высокий, подтянутый, статный мужчина с густой копной седых волос, зачесанных назад. Борода, покрывающая лицо, была аккуратно пострижена и скорее казалась данью сану нежели добровольно выбранным атрибутом. Яна сначала отметила, что растительность на лице придавала его образу выразительности, особенно на фоне бледно-серых глаз. Однако, приглядевшись к чертам лица – высокому лбу, крупному носу, широким скулам – она поняла, что первый вывод был обманчивым. Яна мысленно представила мужчину без бороды и решила, что, скорее всего, в таком случае образ был бы дополнен, помимо благородства и мужественности, некоторой толикой грусти, а, возможно, и страдания – чертой, скорее напоминавших интеллигенцию времен царизма, нежели современного человека.

Девушка, до этого наблюдавшая священнослужителей только в храмах, была рада тому, что отец Георгий выбрал именно их. Мужчина протянул Андрею руку для приветствия и затем спросил:

- Ты не представишь меня даме?

- Яна Морозова – наша новая коллега. А это настоятель нашего больничного прихода. С удовольствием называл бы его по отчеству, однако он его тщательно скрывает

- Отец Георгий, - прервал Андрея мужчина и добродушно улыбнулся.

Не будучи уверенной в том, какой ритуал наиболее при-
сущ знакомству со священником, она протянула мужчине
руку и тут же почувствовала его прикосновение. Во всех дви-
жениях отца Георгия видна была уверенность. Он взял де-
вушку за руку и, посмотрев ей в глаза, слегка наклонился
вперед. Создавалось впечатление, что, если б мужчина не был
священником, то обязательно поцеловал бы девушке руку.
Вся ее кисть свободно бы поместилась на половине ладони
отца Георгия. Священник сжал ее пальцы мягко, однако в
руке мужчины явно чувствовалась сила. Отец Георгий боль-
ше напоминал отставного военного нежели служителя церк-
ви.

- Уже спасибо на том, что вы позволяете жать вам руку, а
не целовать ее, - промолвил Андрей.

Отец Георгий среагировал на шутку молодого человека
мягкой снисходительной улыбкой – так обычно родители от-

носятся к шалостям взрослеющих детей.

- Как настроение Майкова? – спросил священник.

- Похоже, мы снова с вами столкнулись на одной площадке. В этот раз мне повезло больше – похоже, после беседы он успокоился.

- Значит очко в твою пользу.

Девушка снова улыбнулась, едва заметно, пытаясь скрыть свое насмешливое отношение к происходящему.

- Вас веселят наши разговоры? – заметил отец Георгий и, почувствовав растерянность Яны, тоже улыбнулся. – Не стесняйтесь – в больнице я на Вашей территории, поэтому готов выслушивать колкости в свой адрес.

- Если честно меня забавляет, как вам обоим удастся одновременно демонстрировать блестящие манеры и отпускать ехидные шутки в адрес друг друга.

- Мы оба заботимся о человеческих жизнях, - ответил священник. – Разница в том, что Андрей – о теле, а я – душе. Правда иногда мой юный друг в минуты чрезвычайной душевной щедрости пытается мне помочь. Что ж, - мужчина развел руками, - если цель достигнута, то мне все равно.

- Но в данном случае получается, что вы лишились как бы это правильно выразить, - задумалась Яна, - прихожанина.

- Всею свое время, - добродушно улыбнулся отец Георгий. – А теперь, милая барышня, разрешите откланяться.

Мужчина встал и, придерживая крест, слегка наклонился в сторону Яны.

- Я поняла, - сказала она, когда священник ушел.

- Что?

- Почему он выбирает твое общество.

- И почему же?

- Да вы как будто росли в одной семье. Словно он твой отец, воспитывавший тебя всю жизнь. Такие же безупречные манеры и чувство юмора.

- Теперь ты понимаешь, почему он работает в нашем приходе, а не где-нибудь в центре Москвы? Там бы его юмор пришелся не по душе, а здесь – в самый раз.

- Интересно, он думает так же?

- Спроси его, - И Андрей громко рассмеялся.

Глава 3

Арина Тучина пыталась нащупать будильник, не открывая глаза. В итоге, осознав тщетность своей затеи, она не только приподняла веки, но и была вынуждена включить ночник. Арина нажала на верхнюю кнопку будильника, предоставив себе таким образом отсрочку на 5 минут. «Будто перед казнью», - промелькнуло у нее в голове.

Утро понедельника на самом деле было для нее голгофой в сравнении с умиротворенными и одновременно насыщенными выходными. Арина сознательно не выключала свет, несмотря на полученную отсрочку, чтобы сон вновь не овладел ею полностью. После второго звонка, она снова нажала на верхнюю кнопку. В этот раз Тучина придумала себе более возвышенное оправдание, пообещав начать приводить себя в порядок после третьего звонка, как в театре. Свое обещание она выполнила и, решительным движением отключив будильник, села на кровати.

Арина прошла в ванную и, стоя у раковины, стала рассматривать себя в зеркало. Сонная, с полуоткрытыми глазами и растрепанными волосами сейчас она меньше всего напоминала ту женщину, которая ловила на себе множество мужских взглядов в течение рабочего дня. Стоя под душем, Арина почему-то представляла, как бы реагировали мужчины, увидев ее такой.

«Наверное, если б смотрели на меня конкретно в этот момент, то неплохо», - подумала она.

Веселящая мысль вместе с прохладными струями воды взбудрили девушку. Арина прекрасно понимала, что нравится мужчинам. Она сознательно выстроила стену между собой и коллегами. У Арины был определенный опыт неудачных отношений, в связи с чем, как считала она, риск их повторения был велик. Именно поэтому она сознательно избегала отношений на работе, старательно давая об этом всем понять.

Одновременно вытирая полотенцем свое влажное стройное и упругое тело, Тучина с удовольствием признавала, что она стоит тех вожделенных взглядов.

Арина наскоро позавтракала и, насладившись утренним кофе, вновь направилась в ванную, на этот раз чтобы подвести глаза. В отличие от большинства женщин, она предпочитала наносить макияж, стоя у большого зеркала. Как считала девушка, тот минимум косметики, что она использует, не требует комфорта, который возможно обрести только в сидячем положении.

Завершив утренний туалет, Арина оделась и, застегнув пальто на все пуговицы и укутавшись в шерстяной шарф, вышла на улицу. Она закурила у подъезда и, позволив никотину заполнить ее легкие, направилась в сторону метро. Арина еще более укутывалась шарф на входе в подземку, будто бы внутри было холоднее, чем на улице. На самом деле Тучина

использовала его не для тепла – восприимчивая к запахам, девушка таким образом отгораживала носоглотку от неприятных ощущений задолго до операционной. Она ослабляла шарф лишь по дороге от метро до работы и то скорее для того, чтобы насладиться второй сигаретой.

«Интересно, - подумала Арина, - Андрей сегодня придет раньше меня?»

Им предстояла совместная операция. В такие дни их соперничество обострялось и начиналось с того, кто раньше засядет в ординаторской с историей болезни. И в то же время Арине нравилось оперировать вместе с Андреем. Несмотря на конкуренцию, на высказанные и невысказанные обиды, в ответственный момент они становились по одну сторону баррикад, превращаясь в единый механизм, вращающийся с одной целью – спасения человеческих жизней. Уже после операции они вновь начнут спорить, возможно, даже на повышенных тонах, но это все будет потом.

Андрей не остался равнодушным к красоте своей коллеги. Он поступил в больницу, когда Арина уже успела заработать некоторый авторитет. По настоянию Пановой Тучина взяла над новым доктором шефство. Умудренная жизненным опытом, а также имея за плечами продолжительный период руководства людьми, Елена Сергеевна безошибочно чувствовала своих подчиненных, очень точно определяя их сильные и слабые стороны. Арина, несомненно, была внимательной и сосредоточенной, в ее активе было множество успешно за-

вершенных операций, и при этом она готова была совершенствовать свое мастерство, продолжать учиться. Она с одинаковым рвением изучала медицинскую литературу и проходила курсы повышения квалификации, познавая новые методы лечения, и, как губка, впитывала практический опыт признанных профессионалов, вроде Пановой, ассистируя им на операциях. Однако изначально взаимоотношения с людьми не были ее сильной стороной. Они как будто подчинялись строгой иерархии, построенной в своем мозгу. Арина умела командовать – молодые врачи, пришедшие со студенческой скамьи охотно ей подчинялись. Она с готовностью могла подчиниться – в основном тем, кто был старше ее и на голову выше с профессиональной точки зрения. При этом определение профессионализма было ее личной прерогативой.

Панова, несомненно признавая профессионализм своей подчиненной, желала научить ее не только командовать и подчиняться, но и взаимодействовать на равных. В данном случае Андрей был выбран ею как практическое пособие. Молодой врач, поступивший в клинику из районной онкологии, должен был осознавать, что на новой работе его возьмет под свое крыло более опытный сотрудник. В то же время, будучи хорошо теоретически подкованным, располагая определенными практическими навыками амбициозный и энергичный Андрей совсем не был похож на вчерашних студентов, жадно впитывающих каждое слово Тучиной и беспре-

кословно ей подчиняющих.

Уже очень скоро он стал раздражать Арину. Он весь состоял из противоречий. Гонор сочетался с воспитанностью – азарт и амбиции приводили к постоянным спорам, однако блестящие манеры как будто нейтрализовали возникающий негатив. Мимика лица, в которой иные собеседники в зависимости от ситуации могли ощущать брезгливость, пренебрежение или надменность, отталкивала. У Андрея был необычный цвет глаз – редкое сочетание голубого и зеленого. Создавалось впечатление, что он, словно хамелеон, обладает способностью менять цвет в зависимости от ситуации. Надменность и гонор в лицо обычно усиливались путем добавления изумрудного цвета, от которого веяло холодом, периодически пробирающего собеседника до пят. Одновременно Андрей мог обезоружить коллег искренним вниманием и интересом к их персоне, в такие минуты он казался по-родственному добрым и отзывчивым. Для них были припасены теплые и по-домашнему уютные голубые тона его огромных глаз.

Как Андрей менял мимику в зависимости от собеседника, как играл палитрой красок своих глаз, так же он умел использовать язык жестов. Только если в первых двух случаях все происходило бессознательно, то последнее он использовал строго по назначению. Первый инструмент в его коллекции тактильных контактов было рукопожатие – всегда крепкое, ни в коем случае Андрей не мог позволить здоровать-

ся расслабленной кистью, однако степень напряжения и силы отличалась. Иногда он сознательно позволял сдавить руку чуть сильнее – с такими людьми Андрей чувствовал себя, что называется, в своей тарелке и не испытывал необходимости мериться силами. Иным он протягивал предварительно подготовленную, напряженную кисть, играя на опережение и пытаясь не дать собеседнику ни шанса на то, чтобы почувствовать себя не то, что сильнее, но даже и равным. Арине, хорошо изучившей привычки своего подопечного, эти жесты казались, мальчишескими играми. Она относилась к ним с пренебрежением и была готова поспорить, что в иных ситуациях могли закончиться соревнованиями в размерах мужского достоинства. Кронин готов был с ней согласиться – ведь как иначе назвать поведение, когда, чувствуя силу и нежелание ослабить хватку со стороны собеседника, Андрей наклонял кисть в левую сторону таким образом, чтоб его рука оказалась хоть немного, но выше. Обычно такой поединок сопровождался тем самым пренебрежительно-надменным выражением лица. Уже отойдя пару шагов, он слегка улыбался – именно слегка, так как приводил в легкое, едва заметное движение лишь один, правый, уголок рта. «Ну что за детство», - произносил про себя Андрей, а на следующий день продолжал в том же духе. Для таких людей (Кронин их считал соперниками) использовались изумрудные тона. Андрей был готов с ними спорить, выяснять отношения, добиваться своей правоты и доказывать некомпетентность себе-

седника, порою сознательно затевая спор, выигрывать, проигрывать, брать реванш. Иногда, во время оживленных бесед в общей компании, подогретые некоторым количеством алкоголя, соперники могли неожиданно обнаружить изменения в отношении друг к другу. Какой-то поступок или едва оброненная фраза заставляла Кронина оценивать некоторые интересные качества человека, несмотря на все еще присутствующий негатив, потом он начинал восхищаться его достоинствами. Вскоре Андрей мог обнаружить, что между ними очень много общества и удивлялся, почему они так долго соблюдали дистанцию. По мере просветления изумрудные тона все больше отходили на второй план, голубой цвет начинал постепенно обволакивать зрачок, пружинясь, медленно и деликатно выталкивал зеленого соперника, пока полностью не растекался по всему глазу. Уже прощаясь, Андрей протягивал свою ладонь, растопырив полусогнутые пальцы, с размахом, степень которого зависела от доли спиртного в кроки, опуская ее для прощания. Неожиданно подключалась вторая рука, мягко обнимающая плечо собеседника.

Бывало, что после столь поспешного примирения они вскоре вновь становились соперниками. Иногда они становились соратниками, друзьями, близкими людьми.

Взаимная симпатия была заметна по осторожным рукопожатиям (собеседники будто бы уступали друг другу) порою с легким шлепком (признак особого расположения), обезоруживающей улыбке Кронина (во весь рот – так что был виден

ряд его ровных желтоватых зубов), теплотой, исходящей от его глаз, приобретающих в этот момент цвет морской волны с блеском, подобным отражению солнца в море.

Была особая когорта людей, которые с легкой подачи Арины именовались отцами – они на самом деле годились Андрею в родители, имели богатый опыт за плечами, которым – что немаловажно и именно этим они заслуживали особое расположение – охотно делились с молодым хирургом. Этим людям доставались обожающие взгляды снизу вверх, рукопожатия – крепкие настолько, насколько мог позволить «отец», словно Андрей деликатно прощупывал границы между мужской твердостью, которую он обязан продемонстрировать, и началом соперничества, которое он позволить в отношении «отцов» не мог.

Существовала отдельная категория людей, к которым Андрей испытывал безразличие. В таком случае никаких изумрудно-голубых теней и борьбой кистей – Кронин здоровался с ними на ходу, порою не поворачивая головы.

Все эти тактильные спектакли и игры цвета Арина неоднократно ощущала на себе. Разведка при первом знакомстве: испытывающий взгляд, ожесточенная и одновременно нерешительная борьба зеленого с голубым – так воюют, когда морально еще не готовы к победе; растерянное и неожиданно мягкое прикосновение к протянутой Ариной руке. «И этот туда же, - подумала Тучина, - почему всех пугает рукопожатие с женщиной. Стоит первой протянуть руку, как мужики

теряются и в лучшем случае слегка ее сжимают, в то время как между собой – вечное соревнование в силе».

Блестящий свет двух голубых топазов, будто бы обволакивающих тебя всю, легкие и одновременно уверенные и твердые прикосновения сильных рук – всегда невзначай и к месту (что может быть более невинным, чем слегка коснуться талии, пропуская девушку вперед), так что никаких претензий быть не могло

Изумруд – холодный и одновременно обжигающий, словно обеденный ветер в южных странах. Испепеляющий взгляд, готовый сжечь до основания, превратив соперника в пепел, и в то же время восхищающийся его невозмутимой стойкостью. Арина четко демонстрировала свою железную броню, не поддающуюся ни знойному ветру ни пылающему огню.

Но что бы не было, какие бы эмоции ни испытывал Андрей в отношении Тучиной в течение дня, он преобразался, заходя в операционную. Здесь они были по одну сторону баррикад, будто два полководца, относившиеся друг к другу с недоверием и имевшие опыт конфронтации на поле боя, решившие объединить силы перед лицом общего, возможно более сильного врага. Этим врагом была смерть, а поле битвы – операционный стол.

Андрей мог не смотреть на Арину и при этом помогать во всем. Голубые глаза становились еще более мягкими, теплый свет придавал уют и спокойствие. Его руки, уверенно

державшие инструменты, всегда оказывались в нужном месте, время от времени переплетаясь с руками Тучиной, составляя в эти минуты одно целое. Арина знала, что стоит ее рукам исчезнуть, и ловкие пальцы КРонина быстро и проворно начнут семенить по телу больного, уверенно занимая все освободившееся пространство. Стоит снова появиться – и его кисти снова вернутся на прежнюю позицию, мягко передвигаясь, словно ступни танцора по паркету.

И в конце приятная теплота его рук, ощущаемая даже через перчатки – Андрей прикрывал своей ладонью ее кисть, как раз в тот момент когда Арина опускала руки на операционный стол, не в силах более держать их поднятыми. Это было не прикосновение врага, это было вовсе не прикосновением человека – все было естественным настолько, насколько естественно прикосновения пледа в холод. Так же Тучина укутывалась в его теплые руки. Кончики пальцев щекотали кожу так же, как косички пледа на конце. Ощущения были настолько родными и естественными, что Арина стояла, не в силах пошевелиться. В завершении Андрей обдавал ее своим теплым дыханием, шепча на ухо: «Ты молодец». И она прощала Кронину эти слова, в другое время показавшиеся снисходительными. Прощала за ту гамму чувств, испытанных минутой ранее.

А уже через полчаса, переступив порог ординаторской, они вновь становились теми же, кем были до операции, в зависимости от того, на какой ноте расстались перед ней.

В этот раз Андрей появился на работе раньше коллеги, что, с одной стороны, было необычным, а с другой – могло свидетельствовать об особом интересе к предстоящей операции. По мнению Арины она была самой обычной и не представляла сложность для хирурга. Больному предстояла резекция – удаление части желудка с опухолью и лимфатическими узлами. Онкология была диагностирована на ранней стадии.

Тучина обнаружила Кронина у письменного стола. Андрей стоял, уставившись на экран монитора. Он был не в униформе, свитер – брошен на стул, рукава рубашки расстегнуты.

- Привет, - обратилась Арина.

- Здравствуй, - небрежно ответил Андрей, не глядя в ее сторону.

Арина скинула пальто, повесила в шкаф и обошла коллегу со спины. На экране монитора мелькали кадры компьютерной томографии. Андрей будто не замечал Тучину. Он закатал рукав на правой руке и продолжал водить компьютерной мышью, то и дело переключаясь между снимками. Наконец Кронин навел курсор и резким движением нажал левую кнопку, будто бы поставив жирную точку, и повернулся к Арине. Они оказались очень близко друг к другу, в связи с чем Андрей отступил на один шаг.

- Шпионишь за мной? – произнес Андрей с сарказмом, тут же разбавив его широкой улыбкой.

- Стою и думаю – какой сюрприз меня ожидает. Если из необычного только мой коллега в рубашке вместо халата, то я разочарована.

- Как ты относишься к лапроскопии?

- В целом она, несомненно, более щадящая. При язве я б однозначно поддержала эту идею. Но здесь все же онкология. К тому же очаг опухоли расположен неудобно. И вообще, Андрей, к чему такие размышления в день операции.

- Если честно, я начал со вчера.

- Тебе не кажется, что сейчас не самое лучшее время и место для твоих глупых шуток?

- Мне кажется, что, если есть возможность усовершенствовать процедуру, то отказываться от этого не стоит!

- Как минимум ты должен был обсудить изменения в операции со мной! – настойчиво продолжала Арина, положив руки на бедра.

- У нас с тобой разные биологические часы – боюсь, что в момент моего озарения ты уже видела десятый сон.

- Нет, Кронин, ты это сделал специально! Ты просто боялся, что я помешаю твоим планам!

- Коварным.

- Что?

- Ты забыла добавить – коварным планам, - невозмутимо ответил Андрей. – Моим коварным планам облегчить последствия операции. Я хочу тебе напомнить, что я лечащий врач и вправе определять курс лечения.

- Ну так, наверное, и я тебе не нужна в таком случае, все-знайка?

- Клятва Гиппократа не позволит тебе оставить больного в руках морально неустойчивого хирурга, который в ночь перед операцией изменяет план, - ответил Кронин с легким подобием улыбки. - А если серьезно - то ты сама все прекрасно знаешь.

- Что именно?

- А то что при всех разногласиях в ординаторской, мы с тобой прекрасная пара в операционной.

- Пара? - Арина элегантно повела бровью. Последняя фраза коллеги явно смягчила ее.

Андрей положил Тучиной руку на бедро и, смотря в глаза, произнес нараспев:

- Вы не поняли, мисс, я совсем не прошу к Вам постель, мне просто казалось нам есть что поделаться с желудком. Под такую мелодию было б скорее уместным пригласить тебя на танец, - Кронин потянулся к ее руке. Арина позволила обхватить свою кисть, но, когда Андрей попытался, продолжая напевать мелодию из песни, закружить ее в танце, резко его остановила:

- В операционной станцуем! - Тучина похлопала Андрею ладонью по груди и произнесла: - Давай готовиться.

- Поехали, - Андрей резким движением повернулся к монитору и, нажав на клавишу мыши, разблокировал экран. - Смотри, вот область поражения. Ты делаешь надрез, далее я

лапароскопом достигаю очага. Мы удаляем пораженный участок и лимфоузлы. Просто, как все гениальное.

- И все-таки старая добрая кровяночка мне более по душе, - сказала Арина, однако, ощутив вновь леденящее прикосновение изумрудных глаз своего напарника, подняла руки вверх. – Молчу. Твой больной.

- Леше, как думаешь, стоит сообщить?

- Изменение анестезии, возможно, и не потребуется, но, думаю, что он не оценит, если ты его поставишь перед фактом у операционного стола.

Андрей снял трубку и набрал номер.

- Алло, - послышался спокойный голос.

- Леша, приветствую.

- Здравствуйте, Андрей Григорьевич. Как ваше ничего?

- Лучше всех. Зайдешь к нам? Есть новость.

- Надеюсь, ты не хочешь мне сказать, что операция состоится через полчаса. – Тембр голоса не менялся, послышалось лишь легкое придыхание.

- Не пойму, почему тебя это пугает? – с усмешкой произнес Андрей. – Твой коктейльчик уже должен быть готов, тебе остается лишь разлить по бокалам.

- Конечно, Андрей Григорьевич, у меня ж кроме твоей операции других нет.

- Ладно, поднимай свою задницу и иди к нам.

- Судя по всему, нет такой ситуации, которая могла бы вывести его из равновесия? – спросила Арина, когда в трубке

послышались гудки.

- Иммуитет, сформированный за годы совместной работы.

Алексей Молчанов был молодым, но уже подающим надежды анестезиологом. Андрей его знал еще со времен работы в районной онкологии. Молчанов пришел после института, Кронин был уже оперирующим хирургом. Начинаящий анестезиолог импонировал ему своим рвением, интересом ко всем аспектам работы. Кроме того Молчанов всегда отличался своим удивительным спокойствием. Алексей впитывал, как губка, любую информацию. Однако его непосредственному руководителю виделось по-другому, в итоге Молчанову пришлось уйти. Какое-то время он работал в одной частной клинике, где самой тяжелой операцией было исправление носовой перегородки. Во время дружеских встреч Алексей после пар кружек пива начинал жаловаться на свою работу: однообразные процедуры, примитивные врачи, отсутствие профессионального роста нагоняли на него тоску и апатию. При этом все недовольство высказывалось ровным голосом, ни на секунду не переходящим на повышенные тона. При первой возможности Андрей помог бывшему коллеге устроиться в онко-центр.

Несмотря на давнюю дружбу, Алексей продолжал считать Кронина своим старшим товарищем и наставником, в связи с чем часто называл его по имени отчеству.

- Кофе будешь? – спросила Арина.

- Не откажусь.

Тучина подошла к столику с чайником и прикоснулась к нему пальцами.

- Горячий.

- Ага, - небрежно ответил Андрей.

- Воду скипятил, а кофе насыпать не сумел?

- Просто чайник был на моем пути к столу

- А для того, чтобы насыпать кофе надо было заново встать из-за стола, - продолжила Арина.

Послышался стук в дверь.

- Заходи! – крикнул Андрей.

Алексей Молчанов был среднего роста, спортивного телосложения – в школьные годы он занимался футболом, однако в юности сделал выбор в пользу бокса. У него были крупные руки, и Кронин часто шутил по поводу количества сломанных в руках ампулах. Но на самом деле Алексей был очень ловким: он прекрасно владел своим телом, а его пухловатые пальцы во время смешивания и инъекций превращались в пальцы кукловода.

Несмотря на молодой возраст, он начинал лысеть, что вкупе с волевым подбородком, крепким телосложением и глубоко посаженными серыми глазами создавало образ brutального и скупого на сантименты мужчины.

- Кофе? – спросил Кронин.

- Вот я никак не пойму – неужели ты не можешь себе позволить поставить кофе-машину и пить нормальный кофе, а

не этот суррогат?

- Смеешься? – вмешалась Арина. – Ему лень самому себе пару ложек кинуть в чашку.

- Желудок потом лечить не лень?

- Так он же это делать обожает. Точно, Андрей, - сказала Тучина, передавая Кронину кружку, - я поняла. Ты специально это делаешь, чтобы потом себя лечить.

- Я смотрю, вы тут с утра соревнуетесь в остроумии.

- А что, - не унималась Арина, - будет стимул. Возможно, усовершенствуешь метод лечения.

- Если ты так за меня переживаешь, то могла б взять на себя сию почетную обязанность.

- А спину медом тебе не намазать?

- Я больше люблю сгущенку.

- Вареную, - сказал Алексей.

- Что? – удивилась Арина.

- Вареную лучше – держаться дольше будет.

Эта реплика, произнесенная в свойственной молодому врачу невозмутимой манере, рассмешила двух хирургов.

- Вернемся к нашим баранам, - произнес сквозь смех Андрей. - Мы решили заменить столь любимую Ариной кровяночку на современную лапароскопию. Время операции не меняется – тебя ж это беспокоило больше всего.

- Значит успею пообедать, - улыбнулся Алексей.

- Меня с собой возьмешь?

- С удовольствием.

- Арина, может, откажешься на день от своих судочков и почтишь нас своим вниманием?

- Да, Арина, - сказал Алексей, - замени свои домашние котлетки на люля из столовой, припущенные веселыми и остроумными шутками двух прекрасных мужчин.

- Заодно понаблюдаю, как эти двое мужчин издеваются над бедным стариком.

- Это ты про отца Георгия? Мне кажется, он вполне достойно парирует, - ответил Молчанов.

- И вообще, - продолжил Андрей, - должен же он понимать, чем чревата игра на чужом поле.

- Нет уж, мальчишки, пожалуй, сегодня воздержусь, - ответила Арина.

Алексей посмотрел на часы.

- Так, пора начинать обход. До встречи!

- Пока, Леша.

- Хороший парень, - сказал Андрей, когда Молчанов вышел.

- Он очень добрый и чистый.

- Считаешь, это минус?

- Нет, размышляю, как долго он таким пробудет, если будет продолжать столь плотно общаться с таким циником, как ты?

- Тебе ж это не помешало?

- Как говорят, испугал ежа

- Мощным торсом, - продолжил Кронин.

Все шло по плану. Операция должна была начаться в назначенное время. Молчанов находился у операционного стола. Он методичным движением взял в руки ампулу и, поднеся ее к свету, пару раз щелкнул по ней пальцами. Затем анестезиолог обмакнул вату в спирт и резким движением вскрыл ампулу. Алексей ощутил на себе взгляд оперируемого и повернулся к нему.

- Это первый ингредиент коктейля.

Увидев растерянность больного, он улыбнулся:

- Не волнуйтесь – сделаю менее крепким.

- Льда добавить не забудь, - вмешался Кронин.

Андрей стоял у умывальника и тщательно намыливал руки. Арина подошла неслышно.

- Можно мыло?

- Держи.

Она наклонилась к Кронину и еле слышно произнесла:

- Может скажешь Молчанову, что его юмор шокирует больных?

- Сомневаюсь, что наших может что-либо шокировать.

- Да уж, Кронин, полного великодушия от тебя ждать не стоит.

- Ты о чем?

- Пожалел желудок, а нервы – нет.

- Наоборот – посмотри как ему хорошо, - Андрей кивком указал на оперируемого, которому только что была проведена инъекция анестезии. Больной боролся со сном, пытаясь

удерживать отяжелевшие веки.

Подошедшая мед сестра помогла надеть хирургам перчатки.

- Спирт, - скомандовал Кронин.

Стоявший поодаль Молчанов, с любопытством наблюдал за хирургом. Его преобразования повторялись из операции в операцию – веселый при подготовке в ординаторской, шутки с легким налетом черного юмора во время мытья рук, и далее чем ближе к операции он становился все более серьезным. В голосе появлялся холодок, движения становились все более резкими – казалось, он отсекал все лишнее, все что, не касалось операции.

Медсестра помогла надеть маску.

- Готовы? – спросил Андрей.

Арина в это время стояла у операционного стола, держа в руке скальпель. Даже в перчатках ее пальцы были утонченными, узкое запястье подчеркивало грациозность. Девушку в это время можно было представить с приборами за обеденным столом так же легко, как со скальпелем.

Вопрос Кронина в первую очередь относился к Молчанову. Анестезиолог сообщил, что больной интубирован и готов к операции.

- Начинаю? – спросила Тучина.

- Давай, - ответил Андрей и тут же обратился к медсестре.
– Лапароскоп.

Арина уверенными движениями сделала надрез и кивну-

ла Андрею в знак готовности. Кронин плавно вводил лапароскоп, поглядывая на экран монитора. В операционной было настолько тихо, что даже чьи-то вздохи, казалось, могли нарушить атмосферу сосредоточенности.

Неторопливые движения Андрея становились все более медленными, пока он не замер, уставившись на экран. Кронин посмотрел на коллегу. Они обменялись кивками – молча, будто охотники, боящиеся спугнуть добычу. Лапароскоп безошибочно указывал на цель их охоты – очаг злокачественной опухоли.

Арина взяла из рук медсестры скальпель и, произведя надрез, забрала из рук Кронина лапароскоп с камерой. Менее чем через минуту Андрей ввел лапароскопический нож и начал подбираться к опухоли.

- Попалась! – наконец, нарушил молчание он. – Теперь никуда не денешься.

Теперь Кронин был скорее похож на рыбака, поймавшего неожиданно большую и тяжелую добычу на крючок и пытающегося ее вытащить из воды.

- Добавьте газ, - сквозь зубы скомандовал он.

Андрей попытался вытереть пот со лба тыльной стороной ладони. Осознав тщетность попытки, он гневно посмотрел на медсестру. Последняя, быстро осознав свою ошибку, приложила ватный тампон. Кронин, услышав, что газ введен, резким движением отодвинул руку медсестры.

Вскоре Арина могла наблюдать, как Андрей, стиснув зу-

бы, но таким же размеренным движением все-таки отсек очаг заражения. После этого даже маска не могла скрыть его довольной улыбки.

- Можете удалять газ, - произнес он.

- Готово.

- Так, Арина, я первый.

Кронин извлекал лапароскопический нож, то и дело ограничивая свою скорость – осознание победы его торопило, но профессионализм заставлял притормозить. Вскоре аналогичную процедуру произвела Арина: она не испытывала эйфории, как ее коллега, более того – ее незначительный опыт подобных операций скорее замедлял движения.

- Теперь можем зашивать, - констатировала Тучина.

Все это время Алексей Молчанов следил за хирургами и за приборами в ожидании стандартной команды:

- Леша, можешь будить.

Обычно после этого Андрей первым срывал перчатки и кидал их, целясь, но не всегда попадая в мусорное ведро. Арина же снимала их, аккуратно поддевая указательным и средним пальцем.

Кронин вышел из операционной первым, Тучина явно поторопилась вслед за ним.

- Андрей! – окликнула она.

- Да, - ответил Кронин на ходу слегка рассеяно.

- Надо поговорить!

- Нет времени.

- Придется найти!

Андрей, подошедший в это время к двери ординаторской, резко повернул ручку. Арина последовала за ним.

- Мне надо переодеться! – резко произнес он, повернувшись у входа к девушке. – Хочешь подсобить?

- Я просто не хочу, чтобы ты держал меня за дуру!

В это время оба повернулись в сторону одного из столов и заметили Яну Морозову, склонившуюся над историей болезни. Повисло неловкое молчание, которое было нарушено самой же Яной, быстро оценившей ситуацию. Она быстро захлопнула историю болезни и, накинув халат, направилась к выходу:

- Тороплюсь к пациенту. Надеюсь, у вас все хорошо прошло?

Андрей и Арина молча кивнули.

- Потом тогда расскажете. Я побежала.

Дождавшись, пока Яна вышла, Кронин сел перед компьютером, не смотря в сторону коллеги.

- Кронин, ты лжец и трус!

Андрей потер руками глаза и ответил:

- Хочешь, чтобы я продолжил в твоем же тоне?

- Да мне плевать! Тебе нечего сказать!

Он откинулся на спинку кресла и, ухмыльнувшись, ответил:

- Ну хотя бы то, что ты заостенелая и неуверенная в себе. А твоя резкость – лишь маска, чтобы это скрыть.

Арина оперлась ладонями о стол и, наклонившись так, чтобы смотреть в глаза коллеге, произнесла:

- Я знаю свое дело и беспокоюсь о пациентах. А если ты считаешь тот факт, что я предпочитаю обкатанные методы на больных неуверенностью, то мне не о чем с тобой говорить!

- Она сначала направилась к выходу, но потом резко повернулась. - Действительно удивительно, почему это за пару часов до операции мне не приходит в голову мысль поставить опыты на пациенте.

- За сутки.

- Что?

- Мысль о лапароскопии возникла вчера. Мне просто надо было с ней переспать.

- Кронин, ты просто не хотел дать мне с ней переспать иначе я б просто не поддавалась на твои уговоры.

- Неумение быстро принимать решения – твои личные проблемы.

Арина набрала воздух, готовясь дать ответ, но Андрей ее перебил:

- Будем дальше продолжать упражняться в острословии или продолжим работу? У меня лично времени на демагогию нет.

Затем он встал, резко отодвинув стул и направился к выходу. Уже у дверей Андрей остановился, приблизившись вплотную к Арине, и сказал:

- На операции ты держалась молодцом.

Тучина посмотрела в его глаза: в этот раз они светились мягким голубым оттенком. Это означала благодарность: в очередной раз два хирурга объединились в операционной, чтобы после продолжить свои споры.

Они вышли вместе и направились в разные стороны, быстрым шагом семеня по коридору. Андрей был настолько поглощен своими мыслями, что не заметил мягко остановившей его руки.

- Сбить меня хочешь?

Перед ним стояла девушка. Андрей первым делом обратил внимание на ее руки – она была одной из немногих в больнице, кто делал маникюр. Девушка могла себе позволить такую роскошь, потому что ее каждодневная работа не была связана ни с медицинским осмотром, ни, уж тем более, с операциями. Этот атрибут, вместе с природным обаянием, ровным голосом, карими глазами, излучающими доброту, стройностью и утонченностью, делал ее особенно женственной. Андрей каждый раз подчеркивал, что она единственный человек в отделении, которого общение с онкобольными не сделало более черствым.

- Извини, Настя, не заметил.

- Ну ты даешь, - продолжала она, улыбаясь. Настя кивнула в сторону Арины. – Опять скальпель не поделили?

Кронин лишь развел руками.

- Как наши пациенты?

- Тебе виднее.

- А по твоей части?

- Кто как. Иногда мне кажется, что я ничего не меняю: кто был сильным, тот так и держится, а остальным моя помощь не нужна.

- Не говори так, - строго ответил Андрей. – Ты знаешь, что все иначе.

- Майкова тут потянуло на разговор.

- Вот видишь. А ты говоришь

- Он был сегодня бодр и готов читать лекции, так что я была всего лишь одна из слушателей.

- Но слушателем благодарным?

- О, это я умею. Прошелся по отцу Георгию.

- Но этого уж ты стерпеть не могла, - подмигнул Кронин.

- Не ерничай. Забыл, что я благодарный слушатель? – не растерялась Настя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.